

Нин Си чуть со стула не свалился.

Ху Янцай же продолжал поучать с видом многоопытного знатока:

— Альфы по природе своей потворствуют собственным Омегам. Стоит тебе немного побаловать его, попристильничать, поластиться — и он тут же оттаёт.

Нин Си лишь тяжело вздохнул.

Ладно уж, если опустить вопрос о том, сработает ли вообще подобный метод, само исходное условие здесь — сплошное недоразумение!

Собравшись с духом, Нин Си попытался в очередной раз достучаться до собеседника:

— Комиссар, я ведь тебе уже говорил. Мы с Сун Ицзэ ни в каких отношениях не состоим, и он мне не парень. Я натурал, мне нравятся девчонки.

Ху Янцай подался ближе и заговорщически прошептал:

— Понимаю. Это Бог Цзэ запретил афишировать, да?

«Да чёрта с два ты понимаешь!»

— Хотя Бог Цзэ тоже хорош. Ну и что с того, если все узнают? Пусть ранние романы в школе и не приветствуются, — искренне посочувствовал Ху Янцай.

Отлично. Вторую половину фразы — про «натурала» и «девочек» — этот кадр благополучно пропустил мимо ушей.

Ладно, сдаюсь. Пусть понимает как хочет.

Нин Си прикусил губу и всё же спросил:

— Слушай... а если Альфа вдруг начинает прохладно относиться к Омеге, с которым знаком-то без году неделя, это чем объяснить?

Ху Янцай не совсем уловил суть, поэтому замялся:

— Э-э... Пстой, к Сун Ицзэ клеится какой-то другой Омега?

— Да нет, ничего такого.

— Тогда это в пределах нормы, — глубокомысленно изрёк учебный комиссар. — Всё-таки между Альфами и Омегами есть естественные границы. Чисто физиологически им не стоит сближаться чересчур быстро.

Он принял вид эксперта высочайшего уровня:

— Парни-Альфы на самом деле очень ведомы чувствами. Если у Альфы и Омеги высокая совместимость феромонов, Альфа чисто физически не сможет испытывать к Омеге настоящую антипатию. Влюблённая пара выделяет гормоны, ускоряющие слияние феромонов. Добавь сюда врождённый инстинкт защиты Омеги... Капельку капризов, капельку нежности — и Бог Цзэ растает, начнёт души в тебе не чаять.

— Ты, смотрю, прямо эксперт? Сам-то встречался с кем-нибудь? — подозрительно уточнил Нин Си.

— Ни разу, — абсолютно спокойно признался Ху Янцай. — Не встречался и в теории не силён.

«А расписываешь так, будто на практике всё прошёл!»

— Эх, ладно. Пойду я лучше объяснительную писать, — Нин Си поднялся и подвинул стул к столу.

Он с трудом заставил себя взять ручку, поставил точку на листе и замер. Прошло полчаса, а в голове не родилось ни единой связной строчки.

— Не-а, воображение на нуле, — Нин Си отбросил ручку. — Комиссар, у тебя случайно нет какого-нибудь шаблона? Дай списать для примера, а?

Ху Янцай действительно оказался человеком надёжным. Порывшись в рюкзаке, он выудил стопку исписанных листов:

— А как же! Держи, может, сгодится.

— Это ещё что? — спросил Нин Си, забирая бумагу.

— Объяснительные от прошлых провинившихся. Как-то раз парни из нашего класса накосячили, и учитель Го заставил их писать самокритику. Мне поручили всё собрать. Но у учителя Го времени проверять не нашлось, вот они у меня и залежались.

«О, полезная вещь!» — подумал Нин Си.

Но едва он пробежал глазами первую же строчку, как тут же осознал, почему учитель Го отказался это читать.

Там размашистым почерком красовалось:

[Простите меня, дорогой учитель Го! Я глубоко раскаиваюсь. В бессилии я взираю на тёмное, мрачное небо и стенаю, моля о вашем прощении. Но разве небо поймёт всю ничтожность моей никчёмной души? В сердце моём царит мрак, я окончательно сломлен.]

Настоящий шедевр эмоционально-драматической прозы.

Нин Си пару мгновений молча разглядывал этот опус.

Зачитай он подобную бредятину завтра с трибуны, завуч Лю содрёт с него шкуру прямо на месте, не отходя от микрофона.

— Знаешь, я, пожалуй, сам напишу, — вернул листочки Ху Янцаю Нин Си. — Высокая поэзия, мне до такого уровня слога не дотянуться.

— Как знаешь, хозяин — барин, — легко согласился комиссар.

Борьба с объяснительной затянулась до часа ночи.

Заполнив последний квадратик на специальном бланке, выданном завучем Лю, Нин Си с облегчением выдохнул.

Ночь давно вступила в свои права. Небо напоминало глубокую чернильную воду — густую, непроглядную, с редкими искорками звёзд. Вокруг царила тишина, разбиваемая лишь неумолчным, оглушительным стрекотом цикад, заполнившим душную летнюю ночь.

Сон пропал окончательно. Выйдя на балкончик коридора, Нин Си опирался на оконную раму.

Напротив общежития простирался пустырь, за которым возвышался тёмный силуэт учебного корпуса.

Куда ни глянь — непроглядная тьма, редкие деревья и ни единой живой души.

Только звенящее одиночество вокруг.

Опустив густые длинные ресницы, он стоял, уткнувшись взглядом в темноту; пряди чёлки спадали на глаза. Его бледная кожа выделялась в полумраке, придавая юноше хрупкий, надломленный вид и ту особенную, холодную отстранённость, что так часто отпугивала людей.

Ему безумно не нравились эти эмоциональные качели. То тепло, то холод.

Сделал ли он что-то не так?

Впрочем, так было всегда. Сколько он себя помнил, хитросплетения чужих мотивов оставались для него загадкой.

И по привычке он никогда не винил окружающих — лишь взваливал всю ответственность за происходящее на собственные плечи.

Ему так хотелось чувствовать себя нужным, любимым. Всегда, а не от случая к случаю.

Оказавшись в совершенно чужом мире, Нин Си ни за что бы не выпустил из рук соломинку, дай ему судьба хоть малейший шанс.

На следующее утро Нин Си поднялся ни свет ни заря.

Собрал волю в кулак — новый день обещал быть непростым.

Приближающиеся каникулы наполнили школьный двор витающим в воздухе предвкушением отдыха. Ученики даже перестали ворчать по поводу утренней пробежки и с удовольствием болтали, выстроившись на стадионе.

Сославшись на резкую боль в животе, Нин Си привычно отлынивал от пробежки.

Он незаметно пристроился к группе активистов студсовета, надеясь подстеречь Сун Ицзэ и позвать его на завтрак.

Однако сколько он ни всматривался в ряды дежурных, знакомой фигуры так и не обнаружил.

Что за дела с самого утра? Неужели он не пришёл на дежурство?

Пропустив утреннюю зарядку, Нин Си дважды забежал к экспериментальному классу во время перерывов, но каждый раз получал один и тот же ответ: «Его нет».

— Бог Цзэ... его сейчас нет... — одноклассник Сун Ицзэ явно лепетал что-то невнятное, не смея поднять глаз на Нин Си из страха быть пойманным на лжи.

— Ты меня совсем за идиота держишь? — не стал церемониться Нин Си. — Сун Ицзэ вон за партой сидит! Передай ему: чего это он вздумал меня игнорировать?

— Ну... да не то чтобы игнорирует... Просто наш Бог Цзэ сейчас весь в подготовке к олимпиаде... — Парнишка изнывал от неловкости, недоумевая, с какой стати он должен служить громоотводом в разборках этой парочки.

Нин Си окончательно убедился: Сун Ицзэ намеренно от него бежит. Он уже собрался шагнуть в кабинет и прижать беглеца к стенке, как раздавшийся неподалёку громкий рык заставил его замереть на месте:

— Нин Си! Ты чего у дверей экспериментального класса вынюхиваешь?!

Эх, этот до боли знакомый голос...

Нин Си моментально принял образцово-показательный вид и вежливо кивнул разгневанному завучу Лю:

— Завуч Лю, я как раз дописал объяснительную и хотел отдать её на проверку Сун Ицзэ.

— Дописал? А сам-то вслух перечитывал? — строгим тоном уточнил Лю. — Сегодня во второй половине дня времени предостаточно. Выйдешь первым, а потом уже начнём общее собрание. Ну что, я тебе достаточную честь оказал?

— Огромную, завуч Лю, прямо-таки неоценимую, — виновато улыбнулся Нин Си.

— Ицзэ внутри? У меня к нему дело, — переключился Лю.

Нин Си ляпнул не задумываясь:

— А, Ицзэ передал, что его нет.

Едва слова слетели с его губ, как прямо над ухом раздался бархатистый низкий голос:

— Я здесь. Завуч Лю, вы меня искали?

Сун Ицзэ стоял прямо за спиной Нин Си — школьная форма застёгнута на все пуговицы, аккуратная и отглаженная, а в воздухе вокруг него витал едва уловимый, прохладный

древесный аромат феромонов.

Лицо парня выражало абсолютное равнодушие. Он стоял холодный и неприступный, даже не удостоив Нин Си мимолётным взглядом.

«Ну точно, скрытный младший братец делает это специально!»

— А, Ицзэ, ты тут, — завуч Лю сменил гнев на милость, после чего снова строго повернулся к Нин Си: — А ты чего в дверях встал? Марш в свой класс!

Нин Си вновь попытался поймать взгляд Сун Ицзэ, но тот с упрямой холодностью смотрел куда-то мимо.

«Ах так? Ну ладно-ладно. Посмотрим, кто кого. Уж я-то найду на тебя управу!»

— Понял, завуч Лю, ухожу-ухожу.

Нин Си вежливо поклонился завучу, а выпрямляясь, с ощутимой силой хлопнул Сун Ицзэ по бедру.

Зрачки Сун Ицзэ мгновенно расширились.

Когда тот стоял совсем рядом, его накрыло шлейфом свежего, тонкого аромата мяты и белого чая — навязчивого и липкого, прямо как сам его обладатель.

Сун Ицзэ в шоке оглянулся на Нин Си, который мгновенно дал дёру, напоследок скорчив ему дерзкую рожицу. Вздохнув, Ицзэ молча повернулся к учителю.

— Так вот, Ицзэ, на сегодняшнем итоговом собрании тебе предстоит выступить от лица учащихся, — продолжал завуч Лю. — Поделишься опытом, вкратце расскажешь о своём учебном плане и подтолкнёшь будущих выпускников к упорной учёбе, чтобы они не разбазаривали каникулы впустую.

Придя в себя, Сун Ицзэ кивнул:

— Хорошо, завуч Лю.

Завуч вздохнул и поправил очки:

— Эх, будь все ученики такими же сознательными, как ты... Я ведь только перевёлся на ваш параллельный поток, многих ещё толком не знаю, не в курсе, кто тут из хулиганов. Так что

прости, что взвалил на тебя лишние заботы.

— Это моя обязанность, — голос Сун Ицзэ прозвучал слегка глухо, и всем видом он показывал, что стремится свернуть разговор.

Лю не стал задерживать парня. Похлопав его по плечу, он добавил:

— Ладно, набросай речь, а я пойду.

Сун Ицзэ кивнул.

Завуч Лю сделал пару шагов, но вдруг обернулся:

— Погода нынче стоит душная, следи за самочувствием, а то ещё тепловой удар схватишь.

И, добродушно усмехнувшись, бросил напоследок:

— Ты глянь, как у тебя уши вспыхнули.

Утро выдалось душным и липким от влаги. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густую пелену марева — казалось, вот-вот хлынет дождь.

Когда завуч Лю скрылся за поворотом, Сун Ицзэ не спешил возвращаться в класс к олимпиадным задачам.

Он медленно поднял руку и коснулся мочки собственного уха.

Сквозь листву пробивались тусклые лучи света, усыпая пол дробными золотистыми бликами.

Сун Ицзэ тяжело выдохнул, безнадежно смиряясь с очевидным.

Уши и впрямь... горели огнём.

<http://bllate.org/book/20373/2162532>